

На обратном пути Чэнь Чжэнго посоветовал не спешить с поиском наставника для Ван Сюаня. Мальчишки сейчас учились в уездной школе, а прославленные Национальные мастера медицины обычно жили в крупных городах. Даже те из них, кого в прежние годы сослали в провинцию на трудовое перевоспитание, редко попадали в такую глушь. К тому же сейчас многих реабилитировали, и они один за другим возвращались на прежние рабочие места.

Ребята и сами это прекрасно понимали, поэтому настаивать не стали. Вместо этого они принесли из общежития и показали Чэнь Чжэнго ту самую ветхую книгу, которую Гоудань откопал на пункте приема утиля. В ней излагались лишь основы врачевания — ничего из ряда вон выходящего, но охват тем действительно впечатлял. Разумеется, показать ему настоящие трактаты из своего Пространственного кармана они не могли — по крайней мере, не сейчас.

— Рецепт лежал прямо между страниц, на отдельном листке, — пояснил Ван Сюань. — Но бумага совсем обветшала и рассыпалась в руках, поэтому я переписал все в новый блокнот. Вот, поглядите.

— Некоторые иероглифы я не знал, да и о некоторых травах никогда не слышал, — продолжил мальчик. — Мазь, которую я вам дал, — это моя собственная доработка того старого рецепта. С тех пор как я начал разбираться в этих записях, у меня ушло несколько лет, чтобы составить правильные пропорции.

Ван Сюань протянул ему свой блокнот. На страницах толстой тетради аккуратным, убористым почерком был подробно зафиксирован весь путь его изысканий. Текст перемежался простыми набросками — видимо, мальчик зарисовывал травы прямо во время учебы. Глядя на эти чертежи, Чэнь Чжэнго невольно подумал: сколько бы лет ни было этому ребенку, отрицать его гениальность бессмысленно.

Сам рецепт со всеми подробностями — от сбора до способов обработки сырья — занимал всего два разворота.

Чэнь Чжэнго тщательно переписал обе версии рецепта — и первоначальную, и измененную Ван Сюанем, аккуратно сложил листки и убрал в карман. Старую, потрепанную книгу он тоже завернул в чистую бумагу.

— Книгу я пока заберу с собой, — сказал он. — Вряд ли в ней есть что-то секретное, но проверить нужно. Как только закончим, я отправлю ее вам почтой.

Затем он вывел на чистой странице блокнота номер телефона.

— Знаете ведь, как им пользоваться? Придете на почту, покажете бумажку — барышни сами все наберут. По этому номеру меня почти всегда можно найти. Как улажу дела на месте, сразу черкну вам пару строк или отправлю телеграмму.

Похлопав ребят по плечам, мужчина поспешил на выход — время поджимало, нужно было

возвращаться в часть. Гоудань и Ван Сюань молча проводили его взглядом и переглянулись.

— Как думаешь, он поверил? — тихо спросил Гоудань.

— Думаю, пятьдесят на пятьдесят, — отозвался Ван Сюань. — Таких людей просто так вокруг пальца не обведешь. Но главное — стоять на своем. Что они нам сделают? Мы ведь обычные деревенские мальчишки, у которых отродясь ничего не было.

— Ладно, идем, нечего голову забивать, — вздохнул Гоудань. — А то пока мы тут стоим, пропустим третий урок.

Зимой темнело рано, да и холода стояли лютые, поэтому обеденный перерыв у школьников был совсем коротким — занятия во второй половине дня начинались на полчаса раньше, чем летом.

Пока они втроем обедали, разговаривали, а потом ходили в общежитие за рецептом, первые два урока уже закончились. Мальчишки влетели в класс аккуратно под залиvistую трель звонка, возвещавшего о начале третьего занятия. В кабинете по обыкновению гулял сквозняк, но сытный, богатый деликатесами обед теперь приятно грел изнутри. Поглаживая полные животы, ребята с удовольствием отметили, что мороз уже не кажется таким уж невыносимым.

Тем временем Чэнь Чжэнго подошел к строго охраняемому зданию. Часовой на входе внимательно проверил его удостоверение и лишь тогда пропустил внутрь. За дверью скрывался сухой, жарко натопленный кабинет. За столом с безупречно прямой спиной сидел пожилой человек. Несмотря на седину, выглядел он бодро и опрятно. Суровое лицо выражало глубокую сосредоточенность — старик внимательно изучал разложенную перед ним газету.

— Руководитель Чжу, — Чэнь Чжэнго вытянулся во фронт и отдал четкую воинскую честь.

— Вернулся? Присаживайся, — старик отложил газету. — Ну как, повидал ребят? Как они?

— Все отлично, — Чэнь Чжэнго сел на предложенный стул, сохраняя безупречную военную выправку, в которой, при всей кажущейся непринужденности, сквозило глубокое уважение.

Окажись сейчас в этой комнате Гоудань и Ван Сюань, они без труда узнали бы в этом грозном беловолосом господине «старика Чжу», отбывавшего трудовое перевоспитание на государственной ферме. Это был влиятельный военачальник. По примеру других высокопоставленных офицеров он мог бы еще полгода или год назад вернуться в Столицу под предлогом пошатнувшегося здоровья и со временем добиться полной реабилитации. Однако старик отличался редким упрямством: он твердо решил дожидаться, пока с его имени снимут все ложные обвинения, чтобы вернуться в Столицу с чистой совестью и незапятнанной репутацией.

Из-за этого дело и затянулось. Лишь теперь, когда обстановка в стране наконец стабилизировалась, процесс сдвинулся с мертвой точки. Впрочем, его добровольное пребывание в глуши преследовало и другую цель: усыпить бдительность недоброжелателей, успокоить их и выиграть драгоценное время для своих сторонников.

Чэнь Чжэнго прекрасно понимал, что именно волнует старого генерала, поэтому вкратце описал ему встречу:

— Славные ребята, не отбились от рук. Я переговорил с учителями в школе: оба входят в тройку лучших учеников класса, очень прилежные.

Старик окончательно отложил газету, и на его суровом лице наконец проступила теплая улыбка.

— Вот как? Вытянулись, поди, повзрослели... — задумчиво произнес он. — Столько лет уже прошло. А этот Старик Чжан тогда знатно напугал мальчишек, они после того ни ногой к нам.

— Обычные ведь дети, если подумать, — рассудил Чэнь Чжэнго. — Ну, может, столкнулись с чем-то необычным или просто повзрослели раньше срока. Не зря говорят, что в бедных семьях дети рано становятся хозяевами. Да и рассказы о людях с редким даром — из той же оперы. Мир огромен, умных ребят в нем хватает, это только профессор Чжан вечно ищет скрытый смысл и подозревает всех подряд. Мальчишки хоть и хитрые, с огоньком в глазах, но взгляд у них честный, открытый. Не похожи они на марионеток в чьих-то руках. Ребенок с такими чистыми глазами на подлость не способен.

— Это точно. Когда я заговорил о рецепте, они ведь поначалу хотели отдать его даром. Насилу переубедил, еле уговорил принять плату. Вот мазь, которую передал Ван Сюань. Готовы пока только эти две баночки. Опробуете сейчас или подождете, пока доктор Цинь приготовит состав по новой рецептуре?

Старик взял в руки одну из глиняных баночек размером с кулак. Сосуд оказался самым заурядным — в таких деревенские обычно держали соль, масло или соевый соус. Грубый обжиг, темные неровные бока, а горлышко накрыто потемневшей от времени промасленной бумагой и намертво перевязано простой бечевкой.

Он потянул за свободный конец бечевки, развязывая узел, и аккуратно снял бумажную крышку. Из баночки тут же донесся едва уловимый, свежий травяной аромат.

— Ай да сорванец, — покачал головой старик. — Не нашел приличной посуды, так в первую попавшуюся крынку налил.

Старик жестом предложил Чэнь Чжэнго налить себе чаю. В кабинете действительно было слишком душно, но иначе пожилой генерал просто не мог: его давно изводил жестокий ревматизм. В зимние холода суставы крутило так, что хоть на стену лезь. Эта тупая,

изматывающая ломота глубоко в костях изнуряла сильнее любой острой боли — даже непонятно было, куда приложить руку, чтобы хоть немного облегчить страдания.

Из-за этого печь топили нещадно. Непривычный человек долго бы здесь не просидел — от невыносимой сухости сразу перехватывало горло. Чтобы хоть немного увлажнить воздух, в углу держали таз с водой, а самому генералу приходилось постоянно пить чай, иначе от иссушающего жара легко могла пойти носом кровь.

Старик зачерпнул пальцем немного нежно-зеленой мази и принялся аккуратно втирать ее в затекшее колено, спускаясь к голени. Лекарство оказалось обжигающе холодным — генерал даже невольно вздрогнул. Чэнь Чжэнго, уже испытывший это средство на себе, лишь молча кивнул. То, что он теперь мог спокойно ходить по сугробам без намека на былую боль, служило лучшим доказательством чудодейственной силы мази.

Пока ты молод и полон сил, тебе не понять страданий стариков. Но постоянные приступы ревматизма и ноющие суставы — это сущая пытка. Тяжелее всего приходилось ногам: они деревенели так, что каждый шаг давался с невероятным трудом. Каково это — человеку, который когда-то командовал полками и трое суток кряду без усталости сражался на передовой, на склоне лет оказаться беспомощным? Любому хочется встретить старость достойно, на своих двоих, а не превращаться в обузу, которой требуется помощь в самых простых бытовых мелочах.

Подвинув стул поближе, Чэнь Чжэнго принялся помогать генералу, мягко втирая мазь круговыми движениями, как его учил доктор Цинь. Постепенно холод сменился глубоким теплом, а травяной аромат стал гуще и насыщеннее. Кожа пожилого человека, конечно, отличалась от упругой кожи тридцатилетнего мужчины, и целебный состав впитывался медленно.

Офицер терпеливо продолжал массаж до тех пор, пока мазь не впиталась без остатка, не оставив на коже даже жирного блеска.

— Горячо стало... и зудит как-то странно, — пробормотал генерал, прикрыв глаза. — Ох, прямо в суставах свербит, изнутри, никак не дотянуться.

— Придется немного потерпеть, — негромко ответил Чэнь Чжэнго. — Доктор Цинь предупреждал: в ваших суставах скопилось слишком много застарелого холода. Чем дольше болезнь сидит внутри, тем глубже она укореняется и тем тяжелее ее выводить. Лекарство буквально вытягивает эту сырость наружу, так что поначалу ногам будет несладко. Порой действие мази переносится даже тяжелее, чем обычный приступ.

— Ерунда, вытерплю, — усмехнулся старик. — Коли болит к выздоровлению — пускай. Это всяко лучше, чем безвольно ждать, пока ноги окончательно откажут.

И действительно: когда понимаешь, что боль приближает исцеление, переносить ее гораздо легче. Надежда на скорое облегчение придает сил, и любое жжение кажется лишь временной

трудностью на пути к здоровой жизни.

— А мальчишки-то чертовски талантливы, — покачал головой старый вождь. — Надо же, едва нанесли — и уже пошло действие.

В прежние годы он перепробовал множество снадобий и целебных настоек от именитых травников, но толку почти не было. Стоило погоде перемениться, как суставы выкручивало с новой силой, заставляя часами лежать в холодном поту. С возрастом старые раны давали о себе знать все безжалостнее.

Врачи европейской медицины пичкали его таблетками и кололи уколы, мастера восточной — ставили иголки, назначали притирки и травяные ванны. Легкое облегчение наступало, но корень болезни оставался нетронутым. А уж после ссылки в лагерь здоровье посыпалось окончательно.

К концу процедуры Чэнь Чжэнго взмок не хуже, чем на полосе препятствий — завидное достижение для морозного зимнего дня. Не зря говорили, что хорошему костоправу требуются не только чуткие пальцы, но и недюжинная сила. Напряжение было колоссальным, похлеще иных армейских нормативов.

— Доброе тепло пошло, — удовлетворенно выдохнул старик, устраиваясь поудобнее на жарко натопленном кане. — Хоть и ломит, но терпимо. Ступай к себе, отдохни, а я вздремну немного.

Тем временем Гоудань и Ван Сюань, переждав уроки, вместе со всем классом отправились в столовую. Растущие организмы требовали калорий, а сытный обед уже давно переварился. На ужин ребята взяли простые пресные лепешки-воту, решив дополнить их привезенной из дома соленой капустой.

Гоудань тоскливо наблюдал, как Ван Сюань выкладывает в глиняную плошку сморщенные серые кусочки солений.

— Вот уж точно говорят: легко привыкнуть к хорошему, да трудно возвращаться к малому, — со вздохом изрек он. — Как вспомнишь наш царский обед, так на эти припасы и смотреть не хочется. Эх, не с чем было бы сравнивать — уплетали бы за обе щеки.

Пресные кукурузные лепешки были жесткими как подошва, а обилие отрубей нещадно царапало горло. Соленья же отдавали невыносимой горечью — соли туда не пожалели, чтобы припасы не испортились до весеннего тепла. Впрочем, не знай они вкуса по-настоящему хорошей еды, этот ужин показался бы им пиром. Раньше в родной деревне о таком и мечтать не смели: многие соседи до сих пор перебивались пустой жижей, в которой одинокие рисинки приходилось вылавливать ложкой. На их фоне плотное, сытное воту казалось настоящим спасением от голода.

— Все-таки люди рождаются неравными, — негромко пробормотал Гоудань, жуя жесткую корку. — Сколько ни кричи на собраниях про всеобщее равенство, а сытый голодного не разумеет. Достаточно посмотреть, что подают на стол начальству, а что жуем мы, простые работяги.

— Тише ты! — зашипел Ван Сюань, заметив, что сидевшие за соседним столом ребята начали прислушиваться. — Ешь молча, а то без ужина останешься. И посуду сегодня моешь ты.

Ван Сюань сердито зыркнул на названного брата. Тот иногда бывал невыносимо глуп — молот языком что попало, совершенно не думая о последствиях. В их времена за такие речи можно было знатно поплатиться.

— Помою, чего ты сразу заводишься, — добродушно буркнул Гоудань. — Я же просто так, мечтаю. Должна же у меня быть цель в жизни? Любой бедняк может сколько угодно исходить желчью, но дай ему шанс пробиться наверх — побежит впереди всех.

— Ну вот и старайся, — с каменным лицом отозвался Ван Сюань, всучив ему палочки для еды. — Ради светлого будущего и миски жирной свинины. А пока грызи сухую лепешку и помалкивай.

— О какой свинине речь? — любопытствовал сидевший неподалеку Лю Идэ, уловив краем уха знакомые слова.

— Да так, глупости, — отмахнулся Гоудань. — Ван Сюань советует мне представить, будто эта кислая капуста — сочная грудинка в соусе. Глядишь, и насытимся быстрее.

Ребята за столом дружно расхохотались.

— Тогда у меня в чашке — жареная куриная ножка! — подхватил один из одноклассников.

— А у меня — свиные ребрышки в специях! — отозвался другой.

Разговор мигом оживился, каждый принялся наперебой перечислять любимые деликатесы. Однако игра быстро обернулась против них самих: от подобных фантазий разыгрался зверский аппетит. Чтобы заглушить слюноотделение, мальчишкам пришлось спешно запихивать в себя пересоленные овощи. Расплата наступила ночью. Измученные жаждой соседи по комнате до капли осушили термос с кипятком, который Ван Сюань бережно приготовил на утро. Обнаружив пустой сосуд, раздосадованный Гоудань щедро наградил каждого виновника увесистым пинком.

Некоторое время в темной спальне еще стоял приглушенный смех и возня — мальчишки дурачились и пихались, пока наконец усталость не взяла свое.

— Мамочки мои, больше я с У Хао на одну кровать не лягу, — раздался сонный шепот из угла.
— Он меня за ночь чуть на пол не столкнул. Хорошо, вовремя проснулся, а то полетел бы костям навстречу.

— И не говори. Счастье еще, что я на нижнем ярусе сплю.

— Да разве это беда? — подал голос другой ученик. — Вот Цзэн Хуэй хоть и худой как щепка, а во сне вертится как юла. Меня вчера так к стене прижал — вздохнуть не мог, всю постель под себя подмял! С вечера уговорились укрыться обоими одеялами вместе, а наутро я просыпаюсь: они оба скомканы в ногах, а нам только по жалкому уголку досталось.

Койками то и дело менялись. В тесноте мужского общежития никто не чинился — ложились с теми, с кем лучше ладили. Мальчишеская дружба проста и бесхитростна: сегодня они готовы делить последние штаны, завтра в пылу ссоры кричат, что знать друг друга не желают, а послезавтра, намяв друг другу бока, снова сидят плечом к плечу.

Время летело незаметно, и вскоре все их мысли заняла подготовка к близившимся зимним экзаменам. В один из таких напряженных дней на адрес школы пришла срочная телеграмма на имя Гоуданя. Отправителем значился Чэнь Чжэнго, а само послание состояло всего из двух слов: «Срочно позвони».

Выждав обеденный перерыв, мальчишки даже не зашли в столовую. Схватив по сухому темному маньтоу, они на ходу жевали пресное тесто и спешили к уездному почтамту — сделать междугородний звонок можно было только там, отстояв длинную очередь.

Ребята звонили по телефону впервые в жизни и поначалу растерялись, даже не сообразив, какой стороной прикладывать трубку к уху. На помощь пришла добродушная телефонистка. Когда на том конце провода наконец раздалась гудки соединения, Гоудань робко прижал тяжелую пластмассовую трубку и неуверенно заикнулся:

— Алло... Да? Алло!

Из трубки донесся короткий смешок Чэнь Чжэнго. Было слышно, как он слегка отодвинул микрофон.

— Слышу я тебя, слышу, не кричи так, — весело проговорил он.

Гоудань и впрямь орал во все горло, отчего мембрана аппарата дребезжала на весь зал почты. Смутившись под строгим взглядом телефонистки, мальчик покраснел и обиженно буркнул про себя: «Тоже мне... Я же из заботы! Вдруг у тебя от старости уши заложило».

Сказав пару слов, Гоудань передал трубку Ван Сюаню. Чэнь Чжэнго перешел сразу к делу. Он сообщил, что клинические испытания мази прошли блестяще, ее эффективность подтвердилась на высшем уровне, и военная лаборатория уже выпустила пробную партию. За ценный рецепт ребятам выписали солидную государственную премию. Теперь оставалось решить, как ее забрать: согласны ли они на почтовый перевод или готовы приехать за деньгами лично в Столицу? В случае их согласия Чэнь Чжэнго обещал устроить встречу с самим доктором Цинем. Правда, захочет ли прославленный врач взять Ван Сюаня в ученики, зависело только от способностей самого мальчика. Что касается билетов и разрешений на поездку в Столицу, военное ведомство брало все хлопоты на себя.

Мальчики обменялись быстрыми взглядами. Ехать в Столицу сейчас, в самый разгар зимы, да еще перед экзаменами, было крайне неразумно. К тому же обычный почтовый перевод на такую сумму в их глухом уезде неизбежно привлек бы лишнее внимание местных чиновников, а светиться им очень не хотелось.

Выслушав их опасения, Чэнь Чжэнго предложил другой вариант: один из его сослуживцев в ближайшие дни поедет в их края по делам и сможет лично, без лишнего шума, передать конверт и почетную грамоту.

Официальный размер премии составлял пятьсот юаней — и то лишь потому, что Чэнь Чжэнго буквально выбил эти деньги у руководства. Без его вмешательства ребятам в лучшем случае выписали бы двести. В те годы даже это считалось целым состоянием: казна была пуста, страна только начинала оправляться от кризиса, и выделять крупные суммы на подобные нужды никто не торопился. В ходу были в основном грамоты и устные благодарности перед строем — самый экономный для государства способ поощрения.

Однако в трубку Чэнь Чжэнго назвал совсем другую цифру — тысяча юаней. Вторую половину суммы несколько высокопоставленных военных, знавших об истинной ценности лекарства, собрали из собственных сбережений. Сделали они это исключительно из уважения к самому Чэнь Чжэнго и старому генералу Чжу.

Ребята, конечно, и не подозревали о закулисных тонкостях. Услышав сумму, Гоудань на секунду лишился дара речи, а потом принялся взволнованно переспрашивать:

— Сколько-сколько?! Вы не шутите? Правда, целая тысяча?!

Раньше они уже ухитрялись выручать неплохие деньги на тайных сделках, и в их заначке лежало около семисот-восьмисот юаней, которые они почти не тратили. Но те доходы были незаконными, спекулятивными, а эти деньги пахли совсем иначе.

Это была честная награда за труды Ван Сюаня — официальное, неоспоримое признание его таланта и заслуг.